

Вечером, закончив уборку, мы с Ольгой уже хотели переодеться, чтобы идти домой. Но тут, как всегда внезапно, появился Семён Маркович.

— Что застыли, мумушки? Пошли со мной, — улыбнулся он. Мы с Ольгой послушно пошли за ним. Он провёл нас через комнату Веры Ивановны.

— Запомните эту дверь. Она ведёт в подвал, — сказал он и жестом пригласил идти дальше. Мы спустились по лестнице, прошли по извилистому коридору и оказались в небольшой, странной комнате, стены и потолок которой были оббиты мягкими панелями. Видимо, звукоизоляционными. В одной из стен было отверстие, затянутое резиновыми пластинами. Перед отверстием вплотную к стене стоял очень широкий стол, оббитый мягкой кожей.

— Раздевайся и полезай, — голосом, не терпящим возражений, приказал Ольге Семён Маркович. Та, испуганно заморгав, начала расстёгивать пуговицы на халате. Раздевшись, забралась на стол. Стоя на четвереньках непонимающе уставилась на него.

— Ложись на спину и ноги просовывай сюда, — показал тот на затянутое резиной отверстие. Ольга перевернулась и просунула в отверстие ноги.

— Дальше, дальше пролезай туда, — подгонял её Семён Маркович, пока она не оказалась погружённой в отверстие по пояс.

— Там нету ничего. У меня ноги свесились вниз, — пролепетала Ольга.

— Руки раскинь в стороны, — не обратил на её слова никакого внимания Семён Маркович. Ольга раскинула руки.

— Леночка, зафиксируй её. — повернулся он ко мне. Я по очереди пристегнула руки Ольги прикреплёнными к столу ремешками.

— Идём, — взял он меня за руку и мы вышли из комнаты, оставив Ольгу одну. Прошли два коридора, пока не оказались в просторном, хорошо освещённом зале. В одной из стен из отверстия, плотно затянутого резиновыми пластинами, торчало, высунувшись по пояс, тело Ольги. Вернее, его нижняя часть. Она беспомощно свесила ноги, носочками касаясь пола.

— Подними ей ноги и зафиксируй, — показал мне Семён Маркович на прибитые к стене ремешки. Я подняла Ольге сначала одну ногу, грудью прижала её к стене и, обхватив ремешком лодыжку, пристегнула ремешком к стене. Потом подняла и зафиксировала ей другую ногу. Получалось, что прямо из стены торчала голая Ольгина попа с разведёнными в стороны и задранными вверх ногами.

Семён Маркович удовлетворённо хмыкнул и, вдруг, взяв меня за волосы, потянул вниз. Я невольно опустилась на колени. Другой рукой он расстегнул себе брюки, которые упали до колен. Прямо перед моим лицом повис его огромный член.

— Соси! —

коротко приказал он. Я обхватила головку губами. Но, как только член напрягся, он оттолкнул меня, подошёл к Ольге, вернее к тому, что от неё торчало из стены, и рывком вошёл в неё сразу на всю длину своего огромного члена. Ольгины ноги судорожно дёрнулись вниз, но их удержали ремешки. Потом они мелко задрожали. торчала? —

спросила меня Ольга и погладила Веру Ивановну по попе. Потом пальчиком осторожно провела ей между половых губок. Раздвинула их, нашла клитор и несколько раз легонько надавила на него. Ноги Веры Ивановны задёргались.

Вдруг, откуда-то слышались голоса. Мы испуганно выбежали из зала и бросились по коридору.

— Подожди меня здесь. Я сейчас вернусь, — уже у самых дверей мягкой комнаты остановила меня Ольга и пошла назад. Вернулась она буквально через несколько секунд.

— Там мужики! Много! Целая толпа! — схватила она меня за рукав.

— Идём, — вытащила я её в мягкую комнату и закрыла за нами дверь на защёлку.

— Меня там что-то потрогало, — лёжа на спине с распятыми руками повернула к нам голову Вера Ивановна. Мы подошли к ней с разных сторон стола.

— Ой! Опять потрогали, — сказала она, широко раскрыв глаза. И, вдруг, заскользила спиной по столу от стены к стене, от стены, к стене...

— Это... Это... Не аппарат. Я чувствую прикосновения человеческого тела, — залепетала она. Грудь её беспорядочно заколыхалась в такт толчкам.

Вера Ивановна смотрела на нас с немым вопросом в глазах, но сказать ничего не смогла. Только губы её беззвучно шевелились. Иногда она пыталась, прогибаясь, оторвать спину от стола, но растянутые в стороны руки не позволяли ей этого сделать. Наконец, жалобно вскрикнув, глубоко задышала. Щёки её запылали румянцем оргазма.

— Кончила, — погладила её по голове Ольга. Несколько секунд она пролежала неподвижно, пока её грудь не подскочила вверх и она опять заелозила спиной по коже стола. Потом она ещё несколько раз замирала, прежде чем опять начать скользить туда-сюда по столу. Но те, кто были за стеной, больше пока до оргазма довести её не смогли.

— Ой! Ой! — запрокинула Вера Ивановна голову:

— Пальцами... Клитор... А-А-А! — закричала она:

— До задницы добрались!

Следующий оргазм её накрыл уже после седьмой или восьмой остановки, которые происходили, наверное, из-за того, что за стеной менялись её мучители.

— В горле пересохло. Дайте что-нибудь попить, — облизала она губы.

— Ну! — толкнула меня в плечо Ольга. Я расстегнула верхние пуговицы халата, вытащила из

бюстгальтера грудь и наклонилась над Верой Ивановной, подставив сосок к самым её губам. Она жадно присосалась к моей груди. Сосала сильнее доильного аппарата. У меня даже голова закружилась.

Но до конца утолить жажду ей не дали. Интенсивность увеличилась настолько, что ей не удавалось больше поймать губами мою грудь губами.

Потом с небольшим интервалом были ещё два оргазма, после чего она, закрыв глаза, уронила голову на бок и уже больше ни на что не реагировала. Просто бесчувственно елозила спиной по столу туда-сюда будто кусок мяса для секса.

— Она по-моему спит, —

положила Ольга ей пальцы на шею, нащупывая пульс. Тут Вера Ивановна в очередной раз перестала двигаться. На этот раз надолго. Видимо, её оставили окончательно. Мы подождали ещё минут десять, не зная, что делать дальше.

— Пойдём, посмотрим, —

первой решилась Ольга.

От того, что мы увидели в зале, нам стало не по себе. Под торчащей из стены попой Веры Ивановны на полу было разбросано множество использованных презервативов вперемешку с упаковками от них. И над всем этим половые губы Веры Ивановны. Натруженные, покрасневшие, сильно набухшие и полностью раскрытые. Видна была даже чёрная дырочка, уходящая в глубь её тела. И анус! Раскрытый до невероятных размеров.

Мы отстегнули от стены ноги Веры Ивановны и аккуратно опустили их вниз.

— Здесь прибраться надо. Сходи наверх за веником и совком, —

попросила меня Ольга. Я принесла и отдала всё ей. Она начала подметать, при этом монотонным голосом считая каждый презерватив, после того, как заметала его на совок.

— Двадцать четыре! —

закончив, выпрямила она спину. Мы долго смотрели друг на дружку, потом одновременно посмотрели на безжизненное тело Веры Ивановны.

— Вытащить её можно только внутрь. Я пойду туда, а ты поднимешь ей ноги и поможешь мне, —

сказала Ольга и ушла.

Через какое-то время тело Веры Ивановны пошевелилось. Я взяла её за лодыжки, подняла ноги, и она плавно поехала внутрь. Исчезла сначала её попа, а потом и всё остальное.

— Что делать будем? —

встретила меня Ольга, когда я вернулась в мягкую комнату. Вера Ивановна неподвижно лежала на столе, вытянув руки вдоль тела.

— Её наверх поднять надо. Слушай, в кабинете же носилки есть! —

вдруг, осенило меня.

— Точно! —

обрадовалась Ольга. Мы сходили за носилками, переложили на них Веру Ивановну, подняли её в кабинет, а потом отнесли в душ и усадили прямо на кафельный пол, прислонив спиной к стене. Ольга включила душ, маленьким напором направив дождик ей на грудь.

— Пусть здесь посидит. Пойдём отдышимся, —

позвала она меня. Мы вернулись в кабинет.

— Её одну оставлять нельзя. И везти такую никуда нельзя, —

уселась за стол Веры Ивановны Ольга.

— Я могу остаться здесь с ней на ночь, —
села я напротив.

— Со мной всё нормально. Переодевайтесь и идите домой. В понедельник не опаздывайте на работу, —

раздался, вдруг, обычный голос Веры Ивановны. Завёрнутая в махровое полотенце она стояла в раскрытых дверях гигиенической комнаты.

— Железная женщина! Наверное, крутой коровой была! —
подумала я, когда мы уже шли по коридору.

— Никогда не была она коровой. Она бесплодная, —
ответила Ольга. Оказывается, подумала я вслух.